

15. Ewers Joh. Ph. G. Geschichte der Russen. – Dorpat: Sticinsky, 1816. – Т. XVI. – 348 S.
16. Эверс И. Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Сочинение И.Ф.Г. Эверса / пер. с нем. Иван Платонов. – СПб., 1835. – Т. XII. – 422 с.
17. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. [Репринтное воспроизведение издания УМСА PRESS, 1955 г.]. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
18. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по философии истории / пер. с нем. А. М. Водена. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
19. Умбрашко К. Б. Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 146–152.

УДК 930 + 13 + 94(47-57)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ «НОВОГО ГРАДА» (1931–1938 гг.)

О. И. Ивонина (Новосибирск)

Автор анализирует теоретико-методологические основы историософии «Нового Града», авторами которого были выдающиеся представители исторической науки русской эмиграции: Г. Федотов, Ф. Степун, Н. Бердяев. Показана взаимосвязь их исторических оценок с методологией междисциплинарного синтеза. Сделан акцент на взаимодействии в историософии и историографии «новоградцев» исторической компаративистики, герменевтики, этнопсихологии, культурной антропологии. Сделан вывод о методологическом новаторстве мыслителей русского «религиозного ренессанса», обусловленном опытом переживания исторических катастроф мировых войн и революций, интуицией «заката Европы» и формирования новой эпохи всемирной истории.

Ключевые слова: «Новый Град», историческая наука русской эмиграции 30-х гг. XX века, междисциплинарный синтез, авторы русского «религиозного ренессанса».

THE PHILISOPHY OF HISTORY OF THE «NEW CITY» (1931–1938)

O. I. Ivonina (Novosibirsk)

The author examines the theoretical and methodological foundations of the philosophy of history of the “New City”, created by the prominent representatives of the historical science of the Russian emigration: G. Fedotov, F. Stepun, and N. Berdyayev. There is shown the relationship between their historical accounts and the methodology of interdisciplinary synthesis. An emphasis is made on the interaction in the philosophy of history and historiography of the “New City” participants between the historical comparative studies, hermeneutics, ethno-psychology, and cultural anthropology. A conclusion is made about the

---

Ивонина Ольга Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская 28.

E-mail: ivonina@ngs.ru

methodological innovativeness of the thinkers of the Russian religious renaissance, conditioned by the experience of living through the historical disasters such as world wars and revolutions, by the "Decline of Europe" intuition and the formation of a new era of world history.

Key words: *«New City», historical science of the Russian emigration in 1930-s, interdisciplinary synthesis, the authors of the Russian religious renaissance.*

Обращение современных исследователей к наследию исторической науки русской эмиграции приобретает актуальность в условиях кризиса профессиональной и социокультурной определенности отечественной гуманитаристики. Сходство проблематики и политического контекста возникновения этого течения русской общественной мысли с современным состоянием исторической науки объясняет особую притягательность идей «новоградцев» (в лице Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна), стремившихся стать «живой связью между вчерашним и завтрашним днем России», объединив историков разных поколений и школ в общем диалоге о цивилизационно-культурной идентичности страны, ее исторической судьбе и всемирном призвании [1, с. 15].

Интерес «новоградцев» к изучению переходных этапов российской истории был обусловлен как объективными обстоятельствами формирования их личных и творческих судеб в эпоху «великих потрясений», так и спецификой мировоззренческого и методологического кредо. Предложенные представителями христианского историзма методологические и жанровые новации в дискурсе об исторических судьбах России можно свести к следующим базовым постулатам.

– Понимание христианства как религии свободы и прогресса предопределило либерально-гуманистический характер политических взглядов авторов «Нового Града» и их интерес к исследованию мировоззренческих основ процесса модернизации. Присущий русской христианской мысли синтез базовых категорий православия (соборности, преображения, всеобщего спасения) с антропоцентризмом и прогрессизмом европейского сознания объясняет напряженный нравственный тонус ее исканий, понимание истории как манифестации свободы и самоопределения человека, поиск смысла бытия отдельной личности, общества, государства, культуры как уникальной индивидуальности, обладающей непреходящей ценностью для всего человечества.

– Представление «новоградцев» о самостоятельности исторического субъекта, обладающего правом выбора своего пути развития, способствовало пониманию ими истории как совокупности различных альтернатив, либо уже реализовавшихся в исторических судьбах народов, либо доселе хранящихся в памяти как завет или пророчество.

– Историческая мысль «новоградцев» предложила новую парадигму понимания места человека в потоке всемирной истории. Двухуровневый характер христианского историзма, обусловленный наличием в христианстве сложной религиозно-метафизической концепции, обязывал историсофа к изучению и оценке конкретных исторических сюжетов на основе его специфических представлений о природе истории как взаимо-

действию божественного (вечного) и человеческого (временного) планов бытия. В понимании религиозных мыслителей, исторический факт приобретает форму сложного многомерного образования, отражая не только неповторимое своеобразие определенного события в масштабе реального времени, но и его высшую и непреходящую ценность.

– В человеческом творчестве совмещаются, по мнению христианских авторов, все ипостаси человеческого бытия, поэтому главным предметом изучения историка является созидание культуры. Хронотоп культуры является одновременно манифестацией «духа времени» и «души народа», объединяя в себе уникальные и универсальные качества бытия человека, его устремленность к божественному идеалу и рутину повседневности. Культуроцентричное понимание предмета исторического исследования дополнялось представлением «новоградцев» о диалоговом характере творчества. Смысловые коннотации такого диалога в изображении Ф. А. Степуна, Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова многообразны: диалог человека и Бога; диалог поколений во «всеединстве» исторического времени; диалог культур, ведущийся на пространстве всемирной истории; диалог ученого со временем, приобретающий экзистенциальную напряженность в кризисных ситуациях.

– Провозглашение духовности важнейшей составляющей исторического развития стало основой предложенного христианскими авторами грандиозного проекта интеллектуальной истории России как манифестации «русской идеи». Сводя историю событий к истории идей, производных от типа духовности как наиболее действенного и долгосрочного фактора исторического развития, христианские мыслители делали акцент на значимости идеального плана человеческой истории. Этнос и пафос христианского историзма «новоградцев» проявился в их требовании обязательной нравственной оценки исторических деятелей и событий, морального суда над прошлым. Полагая, что задачей историка является выявление взаимосвязи социально-политического идеала с культурным фондом и историческим опытом нации, «новоградцы» дополняли эвристические и просветительские задачи историографии этико-прогностическими/профетическими функциями историософии, стремящейся постичь высший смысл бытия человека во времени.

– Постигание духовной ткани истории возможно, по мнению религиозных мыслителей, на основе проникновения в душу, образ мыслей и чувств «Другого». Эмпатия как мировоззренческая и методологическая установка позволяет историку преодолевать в процессе реконструкции прошлого самые сложные барьеры, отделяющие «своих» от «чужих», «прошлое» от «настоящего», автора от создаваемого им текста. Историософия «новоградцев» пыталась использовать богатые эвристические возможности исторической компаративистики, герменевтики, синтеза социальной истории с историей ментальностей, отразив, а отчасти и предвосхитив поворот современной науки к новому пониманию предмета и методов исторического исследования.

– Полагая «душевность» важнейшим символом и стихией российской истории, авторы «Нового Града» делали акцент на изучении иррациональных аспектов национально-культурного развития, обусловленных особен-

ностями социальной, этнической и гендерной психологии, массовой и групповой ментальности русских. Психологизация предмета исторического исследования как постижения многообразных проявлений «духовно-душевной деятельности человечества», которой движут потребности и интересы, амбиции и страсти, стала основой предложенного «новоградцами» антропологического подхода к пониманию истории.

– Альтернативой сциентистскому пониманию истории стал призыв «новоградцев» к широкому междисциплинарному синтезу, в рамках которого можно постичь «дух эпохи», «душу народа», «смысл исторического творчества» различных «исторических индивидуальностей» (стран, регионов, культур) на основе изучения присущих им представлений о пространстве и времени, должном и сущем, бренном и вечном. Совмещение исторического нарратива и философских обобщений, то есть историографии и историософии, в публикациях авторов «Нового Града» стало, с одной стороны, итогом поисков европейской наукой нового языка историописания, а с другой предвосхитило стремление мировой гуманитаристики к широкому междисциплинарному синтезу. Исследования русских христианских мыслителей явились важным звеном теоретико-методологических дискуссий о соотношении мифа и логоса, рационального и мистического в историческом сознании, по-новому разрешили проблему взаимодействия исторического текста и контекста, генерализации и репрезентации эмпирического материала в историческом исследовании.

– Новаторское понимание предмета и методов исторической науки сочеталось у «новоградцев» с поиском новых жанров историописания. Сочетание поэтики и логики, научной критики и тонкой интуиции, аксиологии и психологии с четкой артикуляцией методологических и мировоззренческих оснований – все это свидетельствовало о понимании истории как одновременно науки и искусства. Вечные вопросы о судьбах России и человечества облекались в форму художественных образов и метафор, демонстрируя тесную взаимосвязь научных обобщений с жизненно важными проблемами современности и практическими запросами общества. Историософия «Нового Града» выросла из журнальной полемики и литературной критики, писем и эссе в большей мере, чем из специальных научных исследований Н. Бердяева, Г. Федотова, Л. Карсавина. Сформулированная «новоградцами» парадигма целостного знания о человеке и мире, соединившая в себе философию, науку, религию и художественное творчество, сознательно противопоставлялась формальным стандартам дисциплинарной ограниченности.

– Тесное взаимодействие «новоградцев» с европейской интеллектуальной традицией сформировало их представления об объективной закономерности исторического процесса и универсальности исторического субъекта в лице единого человечества. Вот почему их оценки исторического пути России демонстрировали устойчивую тенденцию критики западной цивилизации как тупикового образца исторической эволюции. Критерием нормативности и русской, и мировой истории «новоградцы» считали не локально ограниченные образцы буржуазной цивилизации Запада, но универсальные идеалы свободы, единства и социальной справедливости, впервые, по их мнению, сформулированные христианством.

Сознание авторов «Нового Града» оказалось неожиданно созвучным катастрофическому XX в., наполненному революциями и войнами, чудовищным насилием над природой и разумом человека.

Уже события Первой мировой войны и последовавших за ней революций были восприняты русскими христианскими мыслителями как символы «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Мировые войны продемонстрировали, по мнению «новоградцев», разрыв Запада с базовыми ценностями, доселе предлагаемыми всему миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права.

Христианский историзм Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова, Л. П. Карсавина и Н. А. Бердяева реализовал переживания трагических катаклизмов Современности в предчувствиях глобальных угроз. Предупреждения христианских мыслителей о возможной гибели культуры и торжестве технократии, конфликте цивилизаций, противоборстве традиционализма и модернизма, трансформации либерально-демократических режимов в тоталитарные системы и другие темы публикаций «Нового Града» сформировали новый контекст обсуждения проблемы направленности отечественной и всемирной истории, до сих пор сохраняющий свою актуальность.

Само понятие современности означало для историков русской эмиграции время «большого перехода» – от модерна к постмодерности. Этот транзит, по мнению «новоградцев», включал в себя разные альтернативы будущего развития:

- глобальную вестернизацию, то есть модернизацию незападных сообществ, сопровождающуюся социокультурной унификацией и утратой цивилизационной идентичности подавляющего большинства стран и народов;
- победу тоталитарных государств, использующих технические средства и научные достижения современной цивилизации для создания системы идеократии и внеэкономического принуждения масс;
- наступление «нового средневековья» – эпохи постиндустриального и постлиберального сообщества, основанного на принципах социальной справедливости, гуманизма, равноправного диалога культур, идейным фундаментом которого станет обновленное христианство (христианский социализм).

Победу именно такого вектора направленности всемирной истории отечественные христианские мыслители связывали с реализацией исторической миссии России. Надежды авторов «Нового Града» на всеобщее спасение от «нацистской чумы» и духовное лидерство их Родины в грядущей «новой творческой эпохе» основывались на презумпции особой цивилизационной идентичности России в кругу христианских народов.

Вслед за славянофилами авторы русского религиозного возрождения полагали, что православием сформирован истинно христианский характер «русской души», выражающийся в традиционной миролюбии и терпимости к представителям других этносов и конфессий; в напряженном тоне религиозных ожиданий народа, не принимавшего секуляризованно-

го мировоззрения с его культом индивидуализма и материального могущества; в национальном характере русских, готовых к самопожертвованию и даже национальному самоотречению ради торжества всеобщей справедливости [2, с. 23].

На почве русского православия выросла своеобразная культура интеллектуальной аскезы и моральной рефлексии, ядром которой было внутреннее покаяние, преодолевающее искушение национальной исключительности и ложной самонадеянности.

Христианский универсализм православного сознания проявился в специфической идеологии спасения – всечеловеческого прорыва в будущее на основе преображения «греховного мира» общими усилиями разных стран и народов. Такое понимание направленности истории отразилось в эсхатологической устремленности русского сознания к идеальным интернациональным проектам миростроительства. Эсхатологический вектор социальной активности русских определяет радикализм их преобразовательных проектов и экстремистский характер движений социального протеста, явной манифестацией которых стала большевистская революция и социалистические преобразования в России.

Спецификой религиозного мировоззрения русских объяснялась дихотомическая конфигурация процесса самоопределения России в пространстве и времени мировой культуры по линии «сущее» – «должное», «временное» – «вечное», «порядок» – «беспорядок», «национальное» – «вселенское».

Результаты использования цивилизационного подхода для изучения опыта российской транзитивности проявились в акценте на особой роли традиции на всех стадиях и уровнях модернизации страны, рассматривая ее не как противоположность модерности, не как косную социально-экономическую структуру или политический институт, подлежащие слому для обеспечения победы динамично развивающихся укладов, а именно как специфический тип ментальности и исторического опыта страны, определяющий органичное развитие общества, характер его реакции на различные «вызовы» времени и внешнего окружения.

Всем религиозным авторам было свойственно представление о суверенном характере российского государства, традиционного гаранта развития страны в условиях постоянных угроз ее независимости, территориальной целостности, национально-культурной самобытности. Давление неблагоприятных географических и внешнеполитических условий на всех этапах развития России вынуждало государство к использованию мобилизационных методов управления (ограничения прав и свобод, усиления фискального бремени, внеэкономического принуждения) как единственно доступных ему способов самосохранения и выживания страны в целом. Укрепление вертикали власти было следствием не только дефицита ресурсов, но и дефицита общественной солидарности в стране, раздираемой противоречиями региональных и профессиональных элит.

Процесс модернизации сопровождался, по мнению «новоградцев», интеграцией России в пространство мировой политики и культуры, усиливая восприимчивость российской политической элиты к универсальным ценностям новой эпохи: просвещения, общественного разделения труда, правового ограничения личного и властного произвола. Тем самым «про-

священный абсолютизм» российской власти представлялся христианским мыслителям оптимальным сочетанием традиции и новации, преемственности и изменчивости, необходимым синтезом цивилизационной специфики России с универсалиями всемирно-исторического процесса.

На примере революций 1905–1917 гг. христианские авторы доказывали чреватость российской транзитивности «динамическим хаосом», утратой целостности и управляемости социокультурной системы, непредсказуемыми катастрофами в случае разрушения государственности как тела русской культуры.

В противовес либеральной доктрине национального государства, Г. П. Федотов и Н. А. Бердяев выдвигали идею превращения России в «универсальное» государство, в лидера мирового сообщества народов, отрицающего значение политических или национальных границ. Основой такого видения места и роли страны в развитии мировой цивилизации являлась концепция «всеединства», разработанная В. С. Соловьевым. Образ России как «третьей силы» между Востоком и Западом мировой истории представлял собой новый вариант русского мессианизма. «Новоградцы» верили в спасительную миссию России, способной примирить христианский Восток с христианским Западом, создать на почве православия универсальную «вселенскую культуру», соединяющую стремление Востока к сохранению божественных святынь с антропологизмом и исторической динамикой культуры Запада [3, с. 64].

Октябрь 1917 г. был воспринят как финал и тысячелетней истории Российской империи, и как конец эпохи Нового времени. Вместе с тем, отечественная наука затруднялась дать рациональное обоснование закономерности и неизбежности революционного перехода российского общества к новому качеству. Транзита к социализму не могли объяснить ни сторонники теории модернизации, ни адепты формационного подхода, ни концепция органического развития локальных цивилизаций. По мнению Н. А. Бердяева, существующие средства историописания и философии истории, сформированные интеллектуальной традицией Нового времени непригодны для постижения смысла русской революции, положившей начало новому миру и новой эпохе: «о русском коммунизме совсем невозможно мыслить в категориях новой истории, применять к нему категории свободы или равенства в духе французской революции, категории гуманистического мировоззрения, категории демократии и даже марксистского социализма. В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего» [4, с. 98].

Христианская историософия предложила собственные, теологические категории познания русской истории и религиозную интерпретацию поворотных моментов в развитии России. Большевицкий социализм был понят ею как «малый апокалипсис истории», «суд Божий» над греховным миром, предавшим забвению христианские заповеди равенства и братства народов. Оценка социализма как «неотвратимой судьбы России», деформированного проявления «русской идеи», русского мессианизма и универсализма свидетельствовала о его глубокой укорененности, а возможно, и абсолютной неустрашимости из системы религиозных принципов и символов коллективного бытия народа. Не менее важен сделанный христиан-

ской историософией акцент на том, что в социализме произошло соединение воли народа к социальной справедливости с волей к государственному могуществу, а тем самым было достигнуто единство устремлений власти и общества.

Таким образом, в изображении христианской историософии социалистический вектор эволюции российского общества явился не историческим тупиком, а закономерным этапом развития, центральным компонентом политической и культурной идентичности русских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степун Ф. А. Задачи эмиграции // Новый Град. – 1931. – № 2. – 96 с.
2. Федотов Г. П. Идея России и формы ее раскрытия // Новый Град. – 1934. – № 8. – 96 с.
3. Степун Ф. А. О человеке «Нового Града» // Новый Град. – 1932. – № 4. – 96 с.
4. Бердяев Н. А. Восток и Запад // Путь. – 1930. – № 23. – 121 с.

УДК 94(47)(092) + 378(092)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ИДЕИ М. В. НЕЧКИНОЙ

Е. Ю. Черная (Новосибирск)

В статье выделены и сформулированы основные методические идеи академика М. В. Нечкиной. Автор анализирует конкретные методы и приемы работы на уроке с историческим источником, учебником, техническими средствами обучения, разработанные М. В. Нечкиной. Обосновывается целесообразность использования опыта советских методистов в современном образовании.

Ключевые слова: структура урока, система требований к учебнику, познавательная деятельность, функции учебника, технические средства обучения.

THE METHODOLOGICAL IDEAS OF M. V. NECHKINA

E. Yu. Chernaya (Novosibirsk)

In the article there are identified and formulated the basic methodological ideas of the Academician M.V. Nechkina. Due to the fact that the theoretical issues in teaching history in the Soviet period were determined by the Marxist-Leninist methodology, the author's attention is directed to the specific methods and techniques of working in the classroom with a historical source, textbook, educational technology, developed by Milica Vasilyevna. Thus, the expediency is substantiated of using the experience of Soviet specialists in modern education.

Черная Елена Юрьевна – аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, д. 28.

E-mail: ChernayaLena@mail.ru